

M I A S H E R I D A N

**MOST OF
ALL YOU**

МИЯ ШЕРИДАН

ГЛАВНОЕ-
ТЫ

INSPIRIA

Москва

Уважаемый читатель!

Книга затрагивает тему насилия, а также содержит сцены и описания, которые могут негативно повлиять на вас — или же тронуть до глубины души. Если вы восприимчивы к темам сексуального насилия, одиночества и депрессии, пожалуйста, имейте это в виду.

Эта книга посвящена Данте,
у которой есть свой ангел Табриз.
И всем тем, от кого отказались.

Пролог

ЭЛЛИ

*М*не не хотелось туда идти.
— Пожалуйста, мама, давай сходим завтра?

С минуту мама молчала, откидывая с лица светлые волосы и вытирая выступивший на лбу и верхней губе пот. Ее щеки снова были ярко-красными от жара, а зеленые глаза казались тусклыми и блестящими одновременно, как поверхность луж на парковке у нашего многоквартирного комплекса после дождя.

— Надо идти, Элли. Сегодня я чувствую себя не так плохо, но не знаю, что будет завтра.

Мама выглядела неважно. Я уже несколько недель не видела ее такой. Даже хуже, чем в тот день, когда она обнаружила приклеенную к нашей двери бумажку и заплакала, а потом слегла на три дня. Меня напугало, насколько больной она выглядела, и я не знала, что делать.

Я частенько стучала в дверь миссис Холлифилд и просила о помощи, когда она еще жила в нашем доме. Она приходила с куриным супом, а иногда и с упаковкой фруктового мороженого и разговаривала с мамой тихим успокаивающим голосом, пока я смотрела мультики. Мне всегда становилось чуточку лучше после ухода миссис Холлифилд, и маме, похоже, тоже. Но миссис Хол-

лифилд больше не жила в нашем комплексе. У миссис Холлифилд случилось что-то под названием «тромб», и ее унесли на белых носилках.

После этого пришли какие-то молодые люди, которых я раньше никогда не видела, и вынесли все из ее квартиры. Я услышала, как они спорили о том, кто будет оплачивать ее похороны, и поняла, что она умерла. Мама плакала и твердила: «Что мне теперь делать? О господи боже, что же мне теперь делать?» Но я не плакала, хотя мне очень хотелось. Однажды, когда моя мама была у врача, миссис Холлифилд сказала мне, что, когда умираешь, улетаешь на небеса, как птица. Она сказала, что небеса — самое великолепное место, которое только может представить себе человек, с мощными золотом улицами и цветами таких оттенков, которых нет здесь, на земле. Поэтому я старалась радоваться за миссис Холлифилд, хотя и понимала, что мне будет не хватать ее объятий и смеха, моего любимого красного фруктового мороженого и того, как она заставляла мою маму улыбаться.

— Поднимай ноги, Элли! Я не могу тебя тащить. — Я пошла быстрее, стараясь не отставать от мамы. Она двигалась быстро, и мне приходилось почти бежать, чтобы успевать за ней. — Мы уже рядом с домом твоего папы.

Я тяжело сглотнула, чувствуя, как кружится голова. Хотелось ли мне познакомиться с папой? Не знаю, но меня одолевало любопытство. Интересно, как он выглядит — такой же красивый, как актеры мыльных опер, которые смотрела мама? Похоже, они ей очень нравились, и я считала, что именно такого мужчину она выбрала бы мне в отцы. Я представляла его в костюме, с густыми волнистыми волосами и крупными ровными зубами, и надеялась, что он сочтет меня красивой, несмотря

на мою рваную одежду. Надеялась понравиться ему, хотя он бросил нас еще до моего рождения.

Мы подошли к маленькому домику с облупившейся краской и покосившимися ставнями, и мама остановилась, сжав мою руку.

— Господи, пожалуйста, дай мне сил! У меня нет выбора, у меня нет выбора... — пробормотала она, прежде чем повернуться и опуститься передо мной на колени. — Вот мы и пришли, детка. — Ее глаза были полны слез, губы дрожали, и я была встревожена тем, какой больной она выглядела. Но она мило улыбнулась и посмотрела мне прямо в глаза. — Элли, милая, ты ведь знаешь, что я люблю тебя, правда?

— Да, мама.

Она кивнула.

— Детка, я сделала в этом мире не так уж много хорошего. Но кое-что я сделала идеально, и это — ты. Элли, ты такая хорошая, умная девочка. Не забывай об этом, ладно? Что бы ни случилось, не забывай об этом.

— Хорошо, мама, — прошептала я.

Сама не зная почему, я перепугалась еще больше. Мама встала и поправила мою кофту с оторванными пуговицами и распушенным подолом. Она нахмурилась, посмотрев на мои ботинки, ее взгляд еще на несколько секунд задержался на дырке в моем носке, потом она выпрямилась, взяла меня за руку и повела к двери маленького уродливого домишки.

Мама постучала, и я услышала мужской голос по ту сторону двери. Он казался сердитым и напугал меня. Я прижалась к маме. Она обняла меня, и мы стали ждать. Маме стало жарко, и теперь она дрожала всем телом. Она прижалась ко мне, и я испугалась, что мы обе можем упасть. Я знала, ей нужен врач, но она перестала ходить к врачу несколько месяцев назад, хотя, кажется, лучше ей не становилось. Разве врачи не должны были ее вылечить?

Через минуту дверь открылась, и перед нами возник высокий мужчина с сигаретой во рту. Мама вздохнула. Я украдкой покосилась на него, а он уставился на нас с мамой.

— Ну?

Мама провела рукой по моим волосам.

— Привет, Брэд.

Мужчина помолчал, затянулся сигаретой, потом его глаза расширились, и он, наконец, спросил:

— Синтия?

Я почувствовала, что мама расслабилась, и посмотрела на нее. На ее лице сияла широкая улыбка. Та самая, которую она использовала, когда пыталась убедить миссис Гаддеро позволить нам внести арендную плату с опозданием. Я еще раз посмотрела на Брэда, *моего папу*. Он был высоким, как актеры мыльных опер, но это было единственным, что их объединяло. У него были длинные волосы, выглядевшие немного сальными, и кривые желтые зубы. Но у нас с ним одинаково голубые глаза и одного цвета волосы — как говорила мама, золотисто-каштановые.

— Ну, будь я проклят! Что ты здесь делаешь?

— Мы можем войти?

Мы вошли в дом, и я оглядела старую мебель — ничем не лучше той, что была у нас дома. Я услышала, как мама глубоко вздохнула.

— Мы можем где-нибудь поговорить?

Брэд прищурился и перевел взгляд с меня на маму, потом на меня и обратно, а затем сказал:

— Конечно, пойдём в спальню.

— Эл, посиди на диване, милая. Я сейчас вернусь, — сказала мама. Кажется, она слегка смутилась, но быстро взяла себя в руки. Красные пятна на ее щеках стали еще ярче.

Я села и уставилась в стоящий передо мной телевизор. Там показывали футбольный матч, но звук был при-

глушен, так что я могла слышать, как мама и папа разговаривают за дверью.

— Она твоя дочь, Брэд.

— Что, черт возьми, ты имеешь в виду, говоря, что она моя? Ты сказала мне, что сделала аборт!

— Ну, я... не сделала. Не смогла. Я знала, что она тебе не нужна, но я не смогла избавиться от своего ребенка.

Я услышала, как мой папа выругался, и у меня в горле образовался здоровенный комок. Мой папа не хотел меня видеть. Вообще. До этого момента он даже не знал, что моя мама меня оставила. Он даже не знал, что я жива. Мама ничего мне не говорила, но в глубине души я продолжала надеяться, что у моего папы была веская причина уйти. Я все надеялась, что, увидев, он заключит меня в объятия и скажет, что все будет хорошо и он гордится тем, что у него есть такая дочь, как я. *Как постоянно говорит мне мама.* А потом он найдет врача, который сможет ее вылечить.

— Она действительно хорошая девочка, Брэд. Видишь, какая она красивая? И к тому же умная. Она очень милая и хорошо воспитана.

— Чего ты хочешь, Синтия? Денег? У меня нет денег. У меня для тебя ничего нет.

— Мне не нужны деньги. Мне нужно, чтобы ты забрал ее. Я... Я умираю, Брэд. — Она понизила голос, так что я почти ничего не слышала. — У меня четвертая стадия рака. У меня так мало времени — несколько недель. Может быть, всего несколько дней. Нас выселили из квартиры. Я думала, что Элли заберет соседка... Но она умерла, а у меня больше никого нет. Ты — все, что сейчас есть у Элли в этом мире.

Сердце сжалось у меня в груди. Комната закружилась, по щеке скатилась слезинка. *Нет, мама, нет!* Я не хотела этого слышать. Не хотела, чтобы это было правдой.

Не хотела, чтобы моя мама улетела на небеса, как птица.
Пусть она останется здесь! Со мной.

— Что ж, мне жаль это слышать... Но забрать ее? Черт возьми, я не хотел ее семь лет назад и не хочу сейчас!

Я скривилась, покусывая кожу вокруг ногтя, чувствуя себя маленькой и уродливой, как тощая уличная кошка, которую мама не позволяла мне кормить.

— Пожалуйста, Брэд! Я...

Я услышала шарканье и скрип кровати, как будто мама села. Она попросила стакан воды, и папа с сердитым видом вышел из комнаты. Он бросил на меня раздраженный взгляд, и я еще глубже вжалась в диван. Мне показалось, что я услышала, как открылась и закрылась дверь в задней части дома, но я не была в этом уверена, а потом папа вышел — должно быть, из кухни — со стаканом воды в руке и пошел назад по коридору.

Я слышала, как он выругался. Слышала, как он звал мою маму по имени, а потом выбежал в гостиную и швырнул стакан с водой в стену. Стакан разлетелся вдребезги. Я закричала и свернулась калачиком.

— Ну разве не прелесть? Эта шлюха просто взяла и ушла! Выскользнула через заднюю дверь. *Сучка!*

Я моргнула. Мое сердце бешено заколотилось. *Мама? Нет, мама, не оставляй меня здесь! Пожалуйста, не оставляй меня здесь!*

Я вскочила и помчалась по коридору, где нашла заднюю дверь, распахнула ее и выбежала в переулок за домом. Там никого не было.

Моя мама ушла.

Она даже не попрощалась.

Она даже не попрощалась!

Она меня бросила.

Я упала на колени и зарыдала.

Мама, мама, мама...

Главное — тебе

Брэд подхватил меня на руки, и от резкой пощечины я подавилась собственными слезами.

— Заткнись, мелочь! Твоя мать ушла.

Он затащил меня обратно в дом, где снова бросил на диван. Я крепко зажмурилась — страх прошел мое тело, словно булавочные уколы, которые я ощущала, когда слишком долго сидела, подобрав ноги под себя. Когда я открыла глаза, Брэд пристально смотрел на меня. Выражение его лица напугало меня еще сильнее. Он издал отвратительный горловой звук, а затем повернулся и ушел, как мне показалось, на несколько часов. Я так и осталась лежать, свернувшись калачиком на диване, медленно покачиваясь, пока день не сменился ночью.

Мама никогда не оставляет меня надолго. Я хорошая девочка и всегда делаю то, что мне говорят, а она никогда не уходит надолго. Мне не нравятся здешние запахи. Мне не нравится звук капающей воды. Мне не нравится этот колючий диван. Мне страшно. Мне страшно! Мама, пожалуйста, вернись и забери меня!

Когда Брэд наконец вернулся и включил свет, заставив меня зажмуриться от внезапной яркости, он выглядел еще более взбешенным, чем перед уходом. Он сел, закурил сигарету, затянулся и выпустил дым, отчего у меня заслезились глаза.

— Что мне с тобой делать, мелочь? Что, черт возьми, мне делать?!

Я отвернулась, пытаюсь подавить рыдание, которое так и рвалось наружу.

Миссис Холлифилд рассказывала мне, что сердце должно биться постоянно, чтобы поддерживать в нас жизнь. Миссис Холлифилд рассказывала, что, когда твое сердце перестает биться и ты попадаешь на небеса, больше не чувствуешь боли. Сердце миссис Холлифилд перестало биться. Сердце моей мамы тоже перестанет бить-

ся. Мое сердце все еще билось, хотя мне казалось, что оно рассыпается в груди. Я больше не хотела испытывать боль. Я хотела, чтобы мое сердце перестало биться, чтобы я могла улететь на небеса и быть с миссис Холлифилд. И с мамой.

Я велела своему сердцу перестать биться.

Я велела ему больше не болеть.

Я сказала своему сердцу, что больше *не позволю* ему страдать.

Никогда.

Глава первая

*Найдем со мной, я помогу тебе!
Похоже, тебе нужен друг.
Топщик, Зарабывший рыцарь*

КРИСТАЛ

Наши дни

*Е*му здесь не место. Я не могла понять, почему эта мысль пришла мне в голову, едва я увидела этого человека. Дело не в том, как он выглядел, — мне и раньше доводилось встречать здесь красивых, аккуратно подстриженных, приятных на вид парней. Пара капель алкоголя, чувство общности с толпой, объединяющее эмоции — и эти посетители начнут вести себя точно так же, как любые пьяные придурки, жаждущие расстаться со своими деньгами и порядочностью. И дело не в том, что он чувствовал себя не в своей тарелке или был напуган. Нервные, возбужденные, бегающие по сторонам взгляды мне тоже доводилось видеть. Нет, мужчина, сидевший в одиночестве за столиком в дальнем конце зала и потягивавший «Миллер Лайт»¹, выглядел скорее лю-

¹ «Миллер Лайт» — сорт легкого светлого пива чикагской компании Molson Coors. *Здесь и далее — прим. пер.*